

Наталья Александровна Мишанкина

Россия, Томский политехнический университет, Томский государственный университет

Язык науки в зеркале когнитивной методологии: прагматический аспект

Ключевые слова: язык науки, научный дискурс, концептуальная метафора, метафорическое моделирование, прагматика

Key words: language of science, scientific discourse, conceptual metaphor, metaphorical modeling, pragmatics

Abstract

The article discusses the pragmatic intentions which can be found in humanistic text and discourse and realized at the level of academic communication and at the level of conceptual modeling of the object of scientific description. Conceptual metaphor appears as a basic tool of such modeling. The methodology of the research is based on the theory of conceptual metaphor proposed by Lakoff and Johnson. The way of metaphorical modelling, regarded as a pragmatic aspect of the academic text, is analyzed on the basis of philosophical articles by V. Rudnev.

Научный дискурс (НД) достаточно давно выделяется как институциональное закрепление познавательной деятельности человека на основании устойчивости социальной реализации и порядка дискурса – правил коммуникативного взаимодействия в их рамках [Фуко 1996]. Параметры институциональности НД связаны с несколькими установками: 1) равенством позиций коммуникантов в ходе научного диалога; 2) главной целью, состоящей в поиске научной истины; 3) позицией при получении нового знания (объективность, систематичность, методичность, критичность, общезначимость результатов); 4) максимально полным эксплицированием информации в ходе научного диалога; 5) строгой системой жанров, отражающей варьирование коммуникативных установок; 6) наличием особой подсистемы языка – научным стилем со специфическими свойствами (абстрактность, т. е. понятийность, логичность, однозначность, нейтральность). Эта подсистема была выявлена в рамках функционально-стилистического направления отечественной

лингвистики и получила детальное освещение в работах С. О. Глушаковой, Н. М. Лариохиной, М. Н. Кожинной, М. П. Котуровой, Н. А. Красавцевой, Н. Я. Миловановой, Н. М. Разинкиной, О. Б. Сиротининой, Е. С. Троянской. В работах, посвященных описанию научного стиля, и, в частности, в монографии М. Н. Кожинной [Кожина 1993], определяется ключевая цель научной деятельности – точная, логичная и однозначная передача научной информации. Таким образом, научный стиль не предполагает реализации прагматических интенций автора, выходящих за рамки порядка научного дискурса, и вопрос о прагматических аспектах научного стиля не актуализировался.

Однако рефлексия науки как особого вида деятельности в философских исследованиях показывает, что научное познание не является строго рациональным. Т. Кун, рассуждая о парадигмальной структуре научной деятельности, подводит читателя к выводу о том, что принятие определенной парадигмы равно для ученого формированию определенного мировоззрения и в связи с этим определенного языка:

[...] все, чего могут достигнуть участники процесса ломки коммуникации, – это осознать друг друга как членов различных языковых сообществ и выступить затем в роли переводчиков с одного языка на другой [Кун 1975: 254].

Автор признает человеческий фактор одним из наиболее значительных и действенных, рассматривая науку, с одной стороны, как поле деятельности отдельных людей, решающих головоломки и не исключающих прагматические интересы, что порождает ситуацию научной революции. С другой – как целостную социальную структуру, стремящуюся к упорядочению и воспроизведению способов действия, принятых в ее рамках, приводящих в итоге к периодам нормальной науки. В работах В. В. Степина также актуализируется эта мысль:

Наука ориентирована на предметное и объективное исследование действительности. Сказанное, конечно, не означает, что личностные моменты и ценностные ориентации ученого не играют роли в научном творчестве и не влияют на его результаты [Степин 2011: 152].

Более того, по мнению автора семиотической теории Ч. С. Пирса, рассматривавшего прагматический аспект существования знаковых систем в триаде «семантика – синтактика – прагматика», познавательная деятельность тесно связана с семиозисом, так как объективное знание о мире представляет собой результат семиотического договора в рамках социума, т. е. связывает знаки и субъектов ими оперирующих, и, соответственно, истина является понятием прагматическим. Данную точку зрения разделяли такие исследователи-философы, как Ю. Хабермас и К.-О. Апель. Последний указывает на взаимодополняемость аспектов научного познания: объективного исследования и научной коммуникации. Научное исследование предполагает

коммуникацию, так как выстраивается на основе интерпретации научных сообщений других исследователей, а коммуникация и интерпретация же всегда прагматичны [Тутнер 2009].

В лингвистических работах последних лет прагматические смыслы научного текста все чаще выступают объектом научного исследования. Е. М. Кржижановская рассматривает коммуникативно-прагматическую структуру научного текста как содержательно-смысловую, в которой прагматическое содержание представляет собой своего рода «упаковку» коммуникативно-информационного содержания, так как формирует общую прагматическую направленность всего произведения [Кржижановская 2000]. Н. В. Шевцова обращается к рассмотрению научного дискурса в аспекте теории речевых актов [Шевцова 2002]. Е. А. Баженова исследует средства адресации в научном тексте [Баженова 2012]. Во всех названных работах в качестве прагматических рассматриваются текстовые способы организации восприятия информации. Однако появляются работы, акцентирующие внимание на прагматическом фокусировании текстовой информации. К таковым мы относим статью В. И. Ладыжниковой, в которой в качестве прагматического ядра научного текста предлагается рассматривать его тему:

Именно тема научного текста выступает в качестве информационного и, следовательно, прагматического ядра, определяющего расположение и распространение отдельных фокусов, т. е. центров сосредоточения внимания, в структуре текстового целого [Ладыжникова 2010: 65].

Исследование специфики лингвокогнитивного моделирования научного дискурса [Мишанкина 2010], теоретико-методологической базой которого послужила теория концептуальной метафоры, показывает, что научный дискурс моделируется как особое ментальное пространство средствами естественного языка и реализуется как совокупность всех научных текстов (реальных, уже существующих, и потенциальных). Он отражает специфический способ интерпретации мира, отличный от способов, представленных в других типах дискурсов. Основной лингвокогнитивной моделью выступает концептуальная метафора, реализующая гносеологическую функцию. В лингвистической традиции метафора в течение долгого времени интерпретировалась, в первую очередь, в аспекте ее экспрессивности. Действительно, в фокус внимания исследователей (начиная с Аристотеля) попадала метафора художественная как способ по-новому осмыслить уже известные явления. Исследования XX в. позволяют заключить, что метафорическая модель является гносеологической по своей аналоговой природе: результат гносеологической метафоризации получает закрепление в языке в виде широчайшего спектра номинативных метафор. Это свидетельствует о следующем: метафора как общекогнитивный механизм зарождается в обыденной познавательной деятельности и реализуется в бытовом дискурсе, исходном для всех прочих. Гносеологическая

функция метафоры остается ведущей и очевидной в случае, если область, осмысляемая посредством метафоризации, является эмпирически недоступной, если же обе концептуальные области, соотносимые в процессе метафорической концептуализации, доступны и в целом известны, гносеологическая функция дополняется оценочно-экспрессивной, позволяющей увидеть новые смыслы в уже известном и, в определенной степени, «затемняющей» гносеологическую.

Понимание метафоры как гносеологического механизма развивается в работах ученых XX в. Одним из первых обращается к ней Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет 1990], особое внимание уделяя гносеологической силе метафоры: «Метафора удлинит „руку“ интеллекта» [Ортега-и-Гассет 1990: 72]. Этот процесс оказывается возможным вследствие того, что метафора семиотически закрепляет отвлеченные признаки объектов, а потом выступает в качестве «детали» при создании нового объекта. Этим объясняется регулярность моделирования ментальных объектов по аналогии с физическими. С постановки проблемы научной метафористики начинает свою работу М. Блэк, затрагивают ее Д. Дэвидсон, Н. Гудмен, А. Ричардс, Ф. Уилрайт, П. Рикер. В отечественной науке одной из первых работ в этом направлении является работа В. В. Петрова [Петров 1985], в которой научная метафора рассматривается как неотъемлемый компонент научной деятельности. Анализируя различные концепции метафор, представленные в зарубежной философии, автор приходит к осознанию специфичности научной метафоры, состоящей в том, что, в отличие от метафоры экспрессивной, совмещающей свойства двух реальных объектов, научная метафора имеет дело только с одним и в этом смысле всегда представляет собой гипотезу об устройстве, свойствах и т. п. объекта ментального, абстрактного, имеет гипотетическую природу. Именно они, по мнению автора, являются значимым компонентом научного творчества, так как их роль «состоит в обнаружении сходства там, где ранее оно было неочевидно» [Петров 1985: 198]. В этой связи актуализируется еще одно немаловажное для гносеологической роли метафоры понятие – «эпистемный доступ» [Boyd 1979], представляющий собой степень познавательной доступности объекта. Таким образом, вербальное оформление нового знания в научном тексте должно удовлетворять одновременно двум значимым условиям: опираться на широкий эпистемный доступ и максимально отражать свойства объекта описания (с точки зрения автора), формируя его гипотетическую, открытую для обсуждения, модель. Наиболее эффективным механизмом здесь является метафоризация, не только удовлетворяющая этим условиям, но и позволяющая сворачивать значительные объемы информации в языковых структурах.

Эвристичность и информационная емкость метафоры связаны с ее свойствами: 1) соединением двух принципиально отличных друг от друга способов осмысления мира: интуитивного и рационального; 2) синтетичностью

метафорической модели, включающей новую и уже известную информацию; 3) компрессивностью метафорической единицы, представляющей признак, значимый для отображения свойств объекта, но при этом ассоциативно связанной с ситуацией в целом; 4) интернациональностью метафорической модели, обусловленной ее гештальтно-фреймовой организацией. Именно когнитивный подход к анализу научного текста, реализованный в методике концептуального моделирования, позволил выявить гносеологическую функцию научной метафоры.

Анализ текстов научного дискурса позволяет говорить о разных уровнях функционирования в нем метафорических моделей. Первый уровень – это метафора, функционирующая на уровне отдельного текста. Каждый научный текст включает метафорические модели, формирующие ментальное пространство, в котором осуществляются научная деятельность и научная коммуникация. Одновременно каждый текст как целостное высказывание представляет модель объекта научного познания, которая выстраивается на основе механизма метафоризации. При этом моделируется система понятий, необходимая для его представления, отображаемая в системе терминов, репрезентирующих данную модель. Этот тип моделей выполняет собственно гносеологическую функцию и, соответственно, получает название гносеологических. Выбор модели для представления объекта является прагматическим актом, так как определяется внутренними интенциями автора и его аксиологической системой. При этом осуществляется и выбор языковой метафоры, отражающей метафорическую модель. Но практически любая метафорическая единица обладает прагматическим, а иногда и суггестивным потенциалом и, соответственно, предопределяет читательское восприятие предлагаемых моделей в силу того, что автор и читатель являются носителями одного языка и одной картины мира, разделяя ее аксиологические модусы.

Анализ специфики формирования внутритекстовой метафорической системы, отражающей модель объекта исследования, показал, что в различных гуманитарных сферах этот процесс осуществляется подобным образом. Например, в статье *Язык и смерть* В. П. Руднев, чтобы охарактеризовать современное состояние лингвистики и философии языка, обращается к парадигмальным моделям, определяющим развитие этих гуманитарных наук в XX в. [Руднев 2000]. Имплицитная модель, выведенная на уровень теоретического осмысления только в конце века, но берущая свое начало в психоаналитической практике З. Фрейда (*Язык – это действие*), противопоставлена модели, которую автор называет картезианской (*Язык – это структура*). Она берет начало в работах Ф. де Соссюра и развивается в работах структуралистов, семиологов и представителей аналитической философии. Автор встраивает обе модели в аксиологическую шкалу архетипической модели «жизнь – смерть», где жизнь оценивается положительно, а смерть – отрицательно. Таким образом

дается косвенная оценка конкурирующих концепций. Приведем в качестве иллюстрации текстовые выдержки, в которых представлено описание обеих моделей.

Картезианская модель: *Пропозициональная же логика, особенно, та, которая, возникла под воздействием критики языка в разлагающейся, умирающей австро-венгерской монархии, своеобразная романтическая пропозициональная логика, «узкий мир» которой (выражение Г. фон Вригта применительно к «Трактату» [...] напоминает гроб, это логика смерти; искусственные логические языки позитивистов и предполагались как мертвые языки, языки, на которых вообще не разговаривают и уж, во всяком случае, такие языки, на которых невозможно обсуждать проблемы жизни и смерти. Дискретность, расчлененность соответствует разложению, геометризации, упрощению структуры, равновероятности, энтропии, то есть, в конечном смысле, смерти как формы.*

Модель психоанализа: *определенное высказывание, кусочек жизни; Речь – последняя ниточка, связывающая умирающего с жизнью; Существует распространенный сюжет, когда смерть отсрочивают или побеждают при помощи речи; повседневная речь в гораздо большей степени наполнена жизнью, нежели смертью; Так, если кто-то говорит «Такой-то умер», в ответ уместно возразить: «Не может быть, я с ним только позавчера разговаривал»; «невнятный» язык жизни в той или иной мере использовали Гуссерль и Хайдеггер; Живой язык – это такой язык, который может «работать» и с жизнью, и смертью. Редукционистский мертвый язык не может и не призван работать ни с тем, ни с другим; Речевая деятельность в целом направлена на поддержание жизни.*

Эта поляризация, моделируемая на протяжении всего текста, в финале снимается вводимой автором метафорой смешения: *Итак, в послевоенные годы все начало перемешиваться, традиционно рационалистически ориентированная философия языка подалась в сторону гораздо меньшей жесткости. Пределом этого движения явился синтез аналитической философии и психоанализа в учении Дж. Уиздома...*

Несмотря на выстраиваемое в тексте противопоставление двух моделей интерпретации языка и очевидную, задаваемую посредством архетипической аксиологии их оценку, исследователь не отрицает значимости ни одной из них. В основе попыток понять и познать язык должен лежать принцип дополнительности, так как каждая из моделей выполняет свою функцию и не может быть универсальной. Для презентации и одновременно иллюстрации этого положения автор прибегает в тексте к фольклорной метафоре: *два противоположных языка, как мертвая и живая вода в фольклоре, делали все, чтобы человек начала века привык к технике, к кино, к идеям теории относительности. Для того чтобы структурировать все это, понадобился мертвый язык математической логики, логического позитивизма*

и структуриализма. Для того чтобы с этим жить, к этому приспособляться, понадобился психоанализ и экзистенциализм.

Итак, автор определяет место обеих моделей в современном гуманитарном мышлении, но каковы перспективы их сосуществования? Финальная метафора текста философски амбивалентна и позволяет задать широкий спектр интерпретаций: *После Второй мировой войны мертвое стало смешиваться с живым и потихоньку стало отравлять живое. Произошло Вавилонское столпотворение. Знаменитая «кроссдисциплинарность», по сути дела, есть выражение недовольства ни одним из существующих языков, непонимание или полное непонимание их природы и функций и, как следствие этого, общий кризис всех гуманитарных наук, за которым, очевидно, последует тот «взрыв», о котором перед смертью [выделено автором. – Н. М.] писал Лотман. Уцелевшим после этого взрыва, вероятнее всего, останется одно – продолжать жить и говорить, говорить, говорить до бесконечности.*

В данном контексте объединяются несколько метафорических моделей, на основе которых создается сценарная модель – модель развития событий: «смещение – отравление – суматоха – кризис – деструкция/смерть – жизнь». Ближайшая аналогия, которая напрашивается при виде этого сценария, – это «заболевание, связанное с отравлением». Данная модель позволяет говорить об авторском восприятии современного состояния гуманитарного мышления как «больного», который либо выздоровеет, либо умрет. Что же дает смещение жизни и смерти? Выход из этого состояния автор видит в признании ведущей роли психоаналитической модели, рассматривающей язык как действие, как ассоциативный механизм.

Анализ текстов гуманитарного дискурса показывает, что гносеологическая метафора составляет ядро авторской модели изучаемого объекта. В отдельном тексте всегда моделируется новое представление об объекте, эксплицируется оно через систему текстовых метафор гносеологической направленности. В ряде текстов, особенно философского характера, могут привлекаться архетипические модели, аксиологически ориентированные, репрезентирующие устойчивую систему оценок тех или иных явлений, что, вероятно, можно расценивать как прагматическую ориентированность и даже суггестию научного текста.

Литература

- Баженова Е. А., 2012, Средства адресации в научном тексте, *Медиаскоп*, вып. № 4, <http://www.mediascope.ru/node/1240> (дата обращения: 21.10.2014).
- Кожина М. Н., 1993, *Стилистика русского языка*, Москва: Просвещение.
- Кржижановская Е. М., 2000, *Коммуникативно-прагматическая структура научного текста: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Пермь: Пермский государственный университет.

- Кун Т., 1975, *Структура научных революций*, Москва: Прогресс.
- Ладыжникова В. И., 2010, Тематическое развертывание и прагматическое фокусирование в научном тексте, *Вестник БФУ им. И. Канта*, вып. 02, http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/6bf/aobrbwyaswbnmrxahkqaor%20oc.lq_65-70.pdf (дата обращения: 21.10.2014).
- Мишанкина Н. А., 2010, *Метафора в науке: парадокс или норма?*, Томск: Издательство Томского государственного университета.
- Ортега-и-Гассет Х., 1990, Две великие метафоры [в:] Н. Д. Арутюнова (ред.), *Теория метафоры*, Москва: Прогресс, с. 68–82.
- Петров В. В., 1985, Научные метафоры: природа и механизм функционирования [в:] В. В. Целищев, В. Н. Карпович (ред.), *Философские основания научной теории*, Новосибирск: Наука, с. 196–220.
- Руднев В. П., 2000, Язык и смерть (Психоанализ и «картезианская» философия языка XX века), *Логос*, № 1 (22), с. 111–138.
- Степин В. С., 2011, *История и философия науки*, Москва: Академический проект.
- Тутнер Г. Б., 2009, Прагматика [в:] И. Т. Касавин (ред.), *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*, Москва: «Канон+» – РООИ «Реабилитация».
- Фуко М., 1996, *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*, Москва: Кастиль.
- Шевцова Н. В., 2002, *Научный дискурс и его лингвистическая прагматика*, http://www.uni-altai.ru/Jornal/vestnik/ARHIW/N4_2002/1_sekz.shevzova.pdf (дата обращения: 21.10.2014).
- Boyd R., 1993, Metaphor and Theory Change: What is «Metaphor» a Metaphor for? [в:] A. Ortony (ed.), *Metaphor and Thought*, Cambridge: University Press, с. 481–533.